

Ирина Назарова

Почему мы (не) верим в приметы?

Отношение к приметам в современной культуре можно охарактеризовать как двойственное. Многие из наших современников, по их словам, не верят в приметы, но «на всякий случай» следуют некоторым из них: *к приметам у меня двойственное отношение: я вроде бы в них не верю, но некоторых опасуюсь* [Agrainel 2005]; *никто не верит, но все так делают* (ПМА¹: ж., ок. 25); *хоть я и не верю — но помогает!* [Luceel 2006]. Следование приметам часто расценивается как развлечение или как нечто необязательное; к приметам обычно обращаются в тех случаях, когда это не требует больших усилий и временных затрат: *А ты веришь в приметы? (соб.) — <небольшая пауза> Ой... наверное, верю больше в вещи сны, а в приметы... наверное, нет. Ну, у меня, может быть, есть какие-то суеверия... то есть, я как бы иногда им следую, да? Но... в то, что они сбываются, я не верю. — А зачем ты?.. (соб.) — То есть, в качестве развлечения, я не знаю. <...> Например, я всегда в метро захожу через турникет семь или пять. Мне нравятся эти числа, в другие я не захожу. — Ты все время следишь за этим? (соб.) — Да, да. Да. — И стоишь и ждешь, пока?.. (соб.) — Ну, как правило, они свободны бывают, но я захожу,*

Ирина Юрьевна Назарова
Кабинет фольклора
Академической гимназии СПбГУ
irina2406@gmail.com

¹ ПМА – полевые материалы автора; в скобках указываются пол и возраст информантов.

как правило, в семерку или пятерку, тогда я думаю, что будет хорошо. Если другие числа — конечно, я пройду, я не буду стоять ждать, если большая очередь, но если нет очереди, то я иду на цифру пять или на цифру семь (ПМА: ж., 27).

В некоторых случаях роль примет в регулировании поведения человека возрастает. В приводимом ниже фрагменте интервью женщина, работающая продавцом-консультантом по продаже мебели, сравнивает свою прежнюю и нынешнюю работу. Раньше она работала бухгалтером и имела стабильную зарплату, теперь же ее заработок напрямую зависит от успешности продаж. На новой работе она не может выбрать оптимальную стратегию действий, основываясь только на рациональных предпосылках: *Ну, я вот могу сказать про свою торговлю. Я вообще, как бы... первый раз в жизни торгую, и я поняла — это настолько не логика! Никакая, вот никакой логике не подвергается! Я вообще думала: от чего это зависит? Я пытаюсь, там, поднять продажи, да? И думаю... и клиента, вроде, изучаю, и вроде бы, как сказать, это самое... <...> Я обычно как-то все в жизни нащупываю, а вот это — оно у меня как-то вот не нащупывается. И я все-таки вот про себя не могу... вот, внутри себя я не могу найти этот стержень, поймать за хвост, да? (ПМА: ж., 47).* По ее словам, сейчас она доверяет интуиции и приметам, связанным с торговлей, тогда как, будучи бухгалтером, она не руководствовалась приметами в своей профессиональной деятельности.

Вера в приметы и магию актуализируется в ситуациях, связанных с риском [Mullen 1972: 66–72; Vyse 1997; Малиновский 1998: 27–37 и др.]. По наблюдениям Т.Б. Щепанской, «страхи и риски, нарративы об опасных ситуациях и собственно приметы наиболее актуальны в период неадаптации, освоения профессии и часто включаются в ритуальные комплексы профессионального посвящения. Опытные специалисты относятся к страхам и рискам спокойно и нередко скептически» [Щепанская 2006: 425]. Действительно, многие приметы усваиваются на этапе обучения профессии, хотя скорее в этот период более значимую роль играют ритуальные практики, оформляющие этапы перехода «неофита» к статусу профессионала. Но можно наблюдать и обратную ситуацию. В ходе своей профессиональной деятельности человек иногда сталкивается с тем, что его умения и навыки оказываются недостаточными, и становится более осторожным не только в практическом, но и в метафизическом плане, как бы обрастая «традициями» и «суевериями». Например: *Я никогда не бреюсь перед отъездом, дома всем говорю, чтобы никто не выметал мусор, не мыл полы, когда я уезжаю. Такое отношение приходит с годами — когда водитель молодой, это не так проявляется. А когда осознаешь, что твой знакомый, уехавший на десять минут раньше, лежит в кювете, и груз его по*

дороге разбросан, начинаешь задумываться... [Двадцать тысяч лье по земле]. Неблагоприятные события способствуют появлению новых примет или изменению отношения к приметам уже известным, следование которым из факультативного становится обязательным: Но теперь у нас в МЧС традиция: обязательно поднимаем рюмку за уверенный взлет и мягкую посадку. Можешь не пить, если не хочешь, но чокнуться с остальными обязан. Однажды парни забыли налить дежурные пятьдесят граммов, и на высоте семь километров самолет стал разваливаться на куски. Оторвало створку грузового люка размером три на четыре метра <...> С тех пор больше без фляжки на борт не поднимались [Ванденко 2005].

Двойственное отношение к приметам (*half-belief in superstition*) в современной культуре К. Кэмпбелл объясняет философией «инструментального активизма», которая подразумевает оптимистическую и деятельную жизненную позицию. Вера в приметы противоречит научной картине мира и осуждается; в то же время в ситуациях, повлиять на благоприятное разрешение которых человек не в силах, любая деятельность, даже «ритуальная», оказывается более предпочтительной, чем бездействие [Campbell 1996]. Это объяснение представляется не вполне достаточным, ведь приметам следуют не только в критических ситуациях. Так, в приведенном в начале статьи фрагменте интервью о выборе номера турникета речь идет о поездке в метро — действии, совершаемым моей собеседницей почти ежедневно.

Приметы ориентированы не только на регулирование поведения человека в условиях риска или неопределенности, но и на трансляцию значимых норм и символов, а также на коммуникацию внутри сообщества. В приводимом примере выбор одного из турникетов в метро не случаен. «Семерка» в современной культуре имеет устойчивую положительную семантику, а выбор пятого турникета моя собеседница объясняет тем, что в ее университете гардеробщица перед экзаменом давала студентам номерки с номером, кратным пяти, чтобы те сдали экзамен на «пять».

Многие приметы, связанные с курением, в подростковой среде (главным образом у девушек) информируют об отношениях с представителями противоположного пола: сигарета «идет стрелочкой» — кто-то влюбился; сигарета упала — парень бросит; дырочка прогорает на папиросной бумаге: *дырочка — это окошко, через которое уведут любимого парня* (ПМА: ж., 19); прикуривать двум девушкам от одной сигареты: *одно счастье на двоих будет — друг у друга уведут* (ПМА: ж., 18) и т.п. Наряду с другими стереотипными высказываниями и формами поведения приметы «создают условия для высказывания или

хотя бы внутреннего осознания любовных желаний <...> играют консолидирующую роль в девичьем сообществе, объединяя их не только общим опытом, но и общей системой условностей (конвенциональной системой, недоступной многим) [Щепанская 2002: 6–7]. Некоторые приметы предполагают участие других девушек в процедуре интерпретации или нейтрализации неблагоприятного прогноза. Так, если сигарета «идет стрелочкой», девушка должна загадать на пальцах трех юношей и попросить подругу указать на один из пальцев, чтобы узнать, кто из юношей влюблен в нее. Если девушка уронила сигарету, все присутствующие должны затянуться от этой сигареты, чтобы нейтрализовать плохую примету. Коллективное участие предполагают и некоторые из детских примет, например: *Если два человека одновременно произнесут одно и то же слово, один из них, кто порасторопнее, должен спросить: «Когда мое счастье?» — а второй ответить, в какой день и час будет «счастье»* (ПМА: ж., 19); *Наступить на люк — с кем-нибудь поссориться, чтобы этого не произошло, кто-нибудь должен ударить этого человека три раза по спине* (ПМА: ж., 15). Приметы, ориентированные в большей степени на реальную или символическую коммуникацию внутри сообщества, чем на выбор стратегии поведения в ситуации неопределенности, отличаются большей вариативностью, среди них много примет индивидуальных, создаваемых «по случаю»; к таким приметам относятся скорее как к игре, нежели наблюдениям, которым можно доверять. В следующем фрагменте интервью речь идет о приметах и магических практиках автостопа: *Очень многие, насколько я знаю, скорее от скуки, нежели чем от каких-то других соображений, начинают рисовать на дороге всяческие заклинания, магические знаки и прочая, и прочая. <...> — А что они рисуют? (соб.) — Можно нарисовать стрелочку в направлении того места, куда ты едешь. Значит, обвести ее в кружочек, соответственно, встать в этот кружочек. Ну и так далее. Способов различных много. Можно, в конце концов, на песке обочины машинки рисовать и человека с поднятой рукой, которого потом стирать, и рисовать, как человек сидит уже в машинке. — То есть у каждого свои рисунки? (соб.) — У каждого свои рисунки, рисунков я наблюдал много <...> Это некие игры, в которые люди играют. То есть в игры же можно и серьезно играть. А можно и понарошку. Очень часто играешь понарошку* (ПМА: м., 31).

Итак, в современной культуре приметы выполняют определенные психологические и символические функции; в частности, они помогают принимать решение в тех случаях, когда рациональные стратегии поведения оказываются недостаточными. Но, выступая в качестве дополнения и альтернативы рациональному поведению, приметы входят в противоречие

с ним. Приметами принято называть имплицативные высказывания, утверждающие взаимосвязь двух событий, характер отношений между которыми не очевиден для говорящего¹. Как именно взаимосвязаны, например, полет ласточки и предстоящая погода (*ласточки летят низко к земле — к дождю*) или рассыпавшаяся соль и личные взаимоотношения (*соль просыпаться — к ссоре*)²? Утверждение о наличии причинно-следственной связи между компонентами высказывания или ссылка на экспертное знание (*это не примета, это врачи так говорят; это не примета, это психология* и т.п.) могут служить аргументом в пользу того, что данное высказывание не является приметой. Например, запрет выносить зеркало на сцену одна из студенток факультета театра кукол СПбГАТИ не расценивает как «примету», объясняя его тем, что зеркало отвлекает актера: *Зеркало, если настоящее зеркало, нельзя на сцене. Ну, это не примета. — А почему? (соб.) — Ну, потому что, по идее, вот, смотришься — и все, сразу отвлекает внимание* (ПМА: ж., ок. 20). Вторая студентка связывает этот запрет с неблагоприятной приметой: *Была на курсе очень хорошая девочка, разбила зеркало, прямо на сцене. После этого сразу двоих выгнали <...> С зеркалом заморачиваешься — ничего хорошего не жди* (ПМА: ж., ок. 25), — здесь разбитое зеркало сулит неприятности, не являясь их явной причиной.

Стереотипны ситуации, в которых обращаются к приметам, стереотипны семантические принципы построения примет, стереотипны — в большей или меньшей степени — и сами высказывания. Стереотипия служит и аргументом для обоснования примет. «Неочевидность» высказываний компенсируется тем, что они выражают «традиционные», общепринятые наблюдения³. *Нельзя здороваться через порог: примета плохая*⁴ —

¹ По объяснению одного из участников радиопередачи, посвященной «суевериям», актера Бориса Львовича, *приметы... не объясняются. <...> Примета — это то, что передается из поколения в поколение. Это некая твоя причастность к определенному кругу людей. Все так делали — и я буду. И от этого некая радость существует* [Мосиенко 2005]. В то же время приметами могут быть названы высказывания, которые сам рассказчик считает научно обоснованными (так, примета о ласточках — предвестниках дождя может объясняться повышенной влажностью воздуха перед дождем), если их обоснование неочевидно для других людей, — такие высказывания принято называть приметам.

² И напротив, комический эффект пародийных примет строится на том, что причинно-следственная связь между компонентами высказывания очевидна. Например: *Народная примета. Истощенные крики из темной подворотни усилятся, если вы в нее войдете* [Кузьма Фомич 2005]; *Мокрые ноги и хлюпающий нос предвещают тихую и спокойную жизнь в постели* [Остер 1994: 8].

³ О фольклоре как об «общем знании» и «общем достоянии» социальной группы, репрезентации традиционных ценностей см: [Богданов 2001: 47; Панченко 2005: 82].

⁴ Или же: *традиция такая*. Понятие «традиция» может быть синонимично понятию «примета», но относится скорее к поведенческим, чем к вербальным стереотипам, и скорее к предписаниям, чем к запретам. Как и приметы, традиции имеют не практическое, а символическое и коммуникативное обоснование. Так, главный герой х/ф «Ирония судьбы, или С легким паром!» 31 декабря ходит в баню не для того, чтобы помыться (в его квартире есть ванная), а потому, что у них с друзьями есть такая «традиция».

жанровое наименование «примета» задает способ восприятия и оценки утверждений как санкционированных устной традицией¹.

Подобно пословицам, приметы функционируют в речи как цитата: «Каждый говорящий прекрасно понимает, что любая пословица, которую он употребляет, — это речь, цитируемая внутри речи, и часто использует голосовые средства для того, чтобы эти цитаты выделить. Они воспроизводятся дословно, но отличаются от других цитат тем, что не имеют автора, к которому бы относились» [Якобсон 1996: 97]; «При употреблении пословиц проблема правды снимается: человек говорит не “от себя”, а ссылаясь на чужой и тем самым объективизируемый опыт <...> Сама функция пословицы — быть вне категории истинности/ложности» [Николаева 1994: 154–155]. Приметы можно отнести к числу эпистемических модальных высказываний, где функцию модального оператора («говорят», «считается») выполняет наименование жанра («примета такая»). Приметы будут расцениваться как истинные высказывания, если слушатель верит в то, что данная примета более или менее общеизвестна: верно, что *соль просыпать — к score*; но неверно, что *соль просыпать — к встрече*. Информации, полученной от других людей, можно доверять, к ней можно относиться со скепсисом, ее можно игнорировать: именно такое — двойственное — отношение к приметам демонстрируют наши современники.

Казалось бы, жизненный опыт должен противоречить «суеверным» наблюдениям, но широкие возможности интерпретации делают приметы практически неуязвимыми для опыта. Говоря о «суеверных» правилах и приметах в румынском фольклоре, Т.В. Цивьян констатирует особое отношение к таким текстам: для носителя традиции «несущественно проверять истинность правила на опыте: он ему не нужен, во всяком случае, необязателен. Более того, опыт может не совпадать с правилом, даже противоречить ему, но не опровергнет правило <...> Здесь, если ложка, оставленная в горшке, вызовет бессонницу в отношении 1:10, случайными будут 10 случаев “непопадания”, а правило останется неоспоримым» [Цивьян 1985: 174]. Для объяснения подобного отношения к правилам и приметам исследовательница апеллирует к таким понятиям как «первобытное мышление» и «архетипическая модель мира». Однако это отношение к «суевериям» характерно не только для «традиционной» крестьянской, но и для современной городской

¹ Даже в тех случаях, когда речь идет об индивидуальных, личных приметах, можно говорить об ориентации на традицию: такие приметы строятся часто по тем же принципам, что и приметы, известные широкому кругу лиц; к ним относятся так же, как и к приметам общераспространенным.

культуры и может объясняться семиотическими возможностями интерпретации приметы.

Примета подразумевает временной или пространственный разрыв между событиями — компонентами приметы¹. А значит, у человека, имеющего намерение интерпретировать некоторые события как взаимосвязанные, всегда есть возможность выбора значимых событий из числа недавно произошедших, например: *При плохой погоде на маршруте туристы, как правило, занимаются поисками виновных. К их числу относят тех, кто неправильно уложил рюкзак, взял с собой зонтик, забыл что-то важное дома* [Шумов, Абанькина 2003: 107]. Модели интерпретации произошедшего события также могут быть различными, как в следующем примере (речь шла об установке памятника Людмиле Гурченко): *Памятник при жизни ставить — умрешь скоро* (ПМА: ж., 40). — *Наоборот, будет долго жить. Памятник, он же долго стоит...* (м., ок. 70). Как показал М.Л. Лурье на примере толкований снов, «большинство сновидений <...> обладают большим семиотическим потенциалом, чем абстрактно мыслимая эмблема с ее предпосланным реальному событию значением»: выбор «означаемого» «не ограничен рамками устойчивого семантического спектра и допускает какие угодно частные — индивидуальные, окказиональные — интерпретации и вообще во многом определяется последовавшим событием» [Лурье 2001: 36–37]. Эти наблюдения могут быть в полной мере отнесены и к приметам, которые интерпретируются зачастую самым неожиданным образом: *Найти монетку — к удачному стону. Проверено многократно и в разных странах, в том числе в Беларуси. Однажды на Харьковской объездной мы нашли часы и тут же уехали до Днепра, а водитель кормил чебуреками. Хоть и не монетка, но ведь время — деньги :)* [Inscopolis 2006]. Даже диаметрально противоположные события могут расцениваться как аргумент в пользу того, что приметы «работают»: *Когда новички быстро проезжают, говорят, что новичкам везет, а если медленно, то говорят, что трасса «проверяет» человека* (автостоп; ПМА: м., 23).

Описанное свойство примет — предлагать широкий спектр интерпретаций произошедших событий, вплоть до противоположных по значению и оценке — характерно и для пословиц: практически на каждую пословицу можно найти противоположную ей по смыслу (например: *Жена да циновка чем свежее,*

¹ Временной разрыв — в приметах-прогнозах (*споткнуться — к неудаче в делах*), пространственный — в приметах-толкованиях (*уши горят — кто-то вспоминает*) (термины О.Б. Христофоровой [Христофорова 1998]). «Можно сказать, что судьба как бы загадала вам загадку, а жизнь позднее дает на нее отгадку. И смысл загадки становится ясен только по прошествии какого-то времени. Этот временной и смысловой зазор между событием и тем, что оно предвещает, — неперенный компонент приметы» [Топорков 1998: 38].

тем лучше и Жена да кастрюля чем старее, тем лучше). Это свойство пословиц Г.Л. Пермяков объясняет тем, что пословицы являются «знаками ситуаций», «ситуации же могут быть самыми различными, в том числе и прямо противоположными»; «пословицами никогда не следует ничего доказывать, ибо таким путем можно “доказать” все что угодно» [Пермяков 1988: 30].

Благодаря статусу общего («фольклорного») знания, приметы могут выступать как риторический прием¹ — средство для выражения и обоснования индивидуальных ожиданий или оценок. Обращение к приметам происходит, например, с целью «запрограммировать» себя или своих близких на благоприятный прогноз: *Это к деньгам <с крыши упал большой ком снега> — вот вам народная примета <смеется>. — А что, есть такая примета? (соб.) — Падает снег — конечно, к деньгам! Я не знаю, как у вас, а у меня точно. У меня все к деньгам. Это мое жизненное кредо. — У Вас все к деньгам? (соб.) — У меня бабушка, такая, выходит на крыльцо на даче: «Ой, у меня коленка болит!» Я такая: «Бабуля, это к деньгам!» Она так обрадовалась! Вы представляете, какая идет подпитка для человека, да, положительные эмоции?* (ПМА: ж., 39). Следующие варианты приметы о первом родившемся в родильном доме ребенке взяты из статей в СМИ: *В первый день после открытия уже в 15.15 в родильном доме на проспекте Победы на свет появился мальчик. Врачи считают это хорошей приметой. Говорят, если первый родился мальчик, значит, будет все в порядке — в роддоме защитники есть* [Ишмухаметова, Хоровинкин 2009]; *А в первые часы нового года в кызылординском роддоме родились сразу пять девочек. По примете это означает, что год будет мирным и спокойным* [Холодный прием веселья не испортил]; *Хорошая примета для обновленного после капитального ремонта роддома РКБ — за двое суток здесь родились три пары двойняшек* [Хорошее прибавление]. Кто бы ни родился в первые часы или дни работы роддома — мальчики, девочки или двойняшки — журналисты, вслед за сотрудниками роддомов, интерпретируют это событие как благоприятное, что соответствует общему позитивному стилю статей об открытии медицинских учреждений.

Таким образом, двойственное отношение к приметам в современной культуре обусловлено особым статусом этих текстов как общеизвестных. В определенных социальных и психологических условиях роль примет возрастает, а семиотический потенциал делает их применимыми практически к любым жизненным ситуациям.

¹ Приметы имплицитно содержат аргумент к авторитету (традиции), являющийся одним из способов контекстуальной аргументации [Ивин 2004].

Библиография

- Богданов К.А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство—СПб, 2001. 438 с.
- Ванденко А.* Чрезвычайная миссия (интервью с С. Шойгу) // Итоги. 2005, 19 дек. № 51(497). С. 16. (Также на сайте газеты «Итоги» <http://www.itogi.ru/Paper2005.nsf/Article/Itogi_2005_12_17_23_2318.html>)
- Двадцать тысяч лье по земле // Сайт Кирилла Клименченко «Дальний бой. Грузовики и тягачи Америки и Европы» <<http://heavytruck.narod.ru/Sborka/20000Le.htm>>.
- Ивин А.А.* Аргументация контекстуальная // Философская энциклопедия // Сайт «Словари и энциклопедии на Академик». 2004 <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/96/>.
- Ишмухаметова Д., Хоровинкин С.* Арбековский родом снова готов к приему рожениц // Сайт Государственного интернет-канала «Россия» (Пенза). 01.07.2009 <<http://penza.rfn.ru/rnews.html?id=20953&date=01-07-2009>>.
- Кузьма Фомич.* Народная примета // Сайт «Анекдоты из России»: Афоризмы и фразы — основной выпуск. 03.01.2005 <<http://www.anekdot.ru/an/an0501/a050103.html#5>>.
- Лурье М.Л.* Вещие сны и их толкование (на материале современной русской крестьянской традиции) // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. М.: РГГУ, 2001. С. 26–43.
- Малиновский Б.* Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.
- Мосиенко Ю.* Пятница 13-ое: приметы и суеверия (интервью с Б. Львовичем) // Сайт радиостанции «Эхо Москвы». 13.05.2005 <<http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/36366>>.
- Николаева Т.М.* Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. Т. 1. М.: Индрик, 1994. С. 143–177.
- Остер Г.* Детские народные приметы и суеверия. Фрязино: Век-2, 1994. 12 с.
- Панченко А.А.* Фольклористика как наука // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сборник докладов. М.: ГРЦРФ, 2005. Т. 1. С. 72–95.
- Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
- Топорков А.Л.* Суеверные приметы и мифология повседневности // Мифология и повседневность: Мат-лы науч. конференции 18–20 февраля 1998 г. СПб.: РХГИ, 1998. С. 32–42.
- Холодный прием веселья не испортил // Сайт газеты «Караван» (Казахстан). 6.01.2006. № 1 <<http://www.caravan.kz/article/?pid=2&aid=43>> [просмотр 01.09.2006].
- Хорошее прибавление // Сайт газеты «Северная Осетия». 18.08.2006. Вып. 151 <<http://sevov.alanianet.ru/lenta/2006/2006-08/lenta-06-08-19.htm>> [просмотр 01.09.2006].

- Христофорова О.Б.* Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М.: РГГУ, 1998. 112 с.
- Цивьян Т.В.* Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 154–178.
- Шумов К.Э., Абанькина Е.В.* Фольклор и обряды туристов // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 103–123.
- Щепанская Т. Б.* Предисловие // Борисов С.Б. Мир русского девичества: 70–90 годы XX века. М.: Ладомир, 2002. С. 5–7.
- Щепанская Т.Б.* Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. М.: ГРЦРФ, 2006. Т. 2. С. 405–427.
- Якобсон Р.* О русском фольклоре // Якобсон Р. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. С. 97–104.
- Agrainel* [Коммент в дискуссии о приметах] // Форум сайта «Прикл.ру». 09.04.2005 <<http://www.prikl.ru/forum/index.php?showtopic=4725>>.
- Campbell C.* Half-Belief and the Paradox of Ritual Instrumental Activism: A Theory of Modern Superstition // The British Journal of Sociology. 1996 (Mar.). Vol. 47. No. 1. P. 151–166.
- Incopolis (lj user).* [Коммент в дискуссии о приметах] // Сообщество Живого журнала “by_autostop”. 04.11.2006 <http://community.livejournal.com/by_autostop/45529.html>.
- Luceel* [Коммент в дискуссии о приметах] // Форум интернет-магазина «У Люсиль». 23.08.2006 <<http://luceel.ru/forum/index.php?showtopic=105>>.
- Mullen P.B.* The Function of Magic Folk Belief among Texas Coastal Fishermen // The Journal of American Folklore. 1972 (Jan.– Mar.). Vol. 85. No. 335. P. 66–72.
- Vyse St.A.* Believing in Magic: The Psychology of Superstition. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1997. 272 p.